Д. Б. Пучков

ИДЕЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Работа представлена кафедрой философии
Санкт-Петербургского университета путей сообщения.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор В. П. Огородников

Статья посвящена рассмотрению темы бытия человека в аспекте его индивидуальной свободы. Главной особенностью индивидуального бытия человека автор считает самостоятельность в принятии ответственных решений. Самостоятельность следует искать на путях рационального отношения к миру. Автор стремится определить разум и рассудок как стороны рациональности человека и их роль в утверждении индивидуального бытия.

Ключевые слова: *индивидуальное бытие человека, свобода, рациональность.*

D. Puchkov

THE IDEA OF PERSONAL BEING OF MAN AND THE PROBLEM OF RATIONALITY

The article contains the analysis of man's being in connection with personal freedom. The independence in taking responsible decisions is considered as the main feature of personal being. The rational attitude to the world could provide the independence. The author tries to determine "reason" and "ratio" as parts of human rationality and their role in providing of personal being.

Key words: *personal being of man, freedom, rationality.*

Приступая к исследованию человеческого бытия, необходимо вначале понять, что мы так называем. Нередко человеческое бытие понимают как синоним существования. Будь это так, человек был бы так же как вещи, звери или социальные институты, но человек бытийствует иначе.

Однако, если в понимании человеческого бытия уйти от представленной интерпретации, то онтологическое исследование может получить связь с *воодушевляющей исследование идеей*, как это продемонстрировал Хайдеггер: *бытие «всегда мое»* [9, с. 41]. Бытие, действительно, всегда мое. Это можно понять, во-первых, в том смысле, что абстрагирование от его конкретного, уникального характера – теоретическое допущение, правомерность которого должна выясняться в каждом конкретном случае. Во-вторых, главный отличительный признак бытия – самостоятельность. Бытие – это самостоятельное существование. В числе прочего, это такое существование, которое вступает в противоречие с иллюзиями.

Но как такое возможно? Разве человек не включен в системную, т. е. исключающую самостоятельность существования, связь природы, общества и культуры? И разве эта связь закономерно не порождает иллюзии, разделяемые целыми культурами? Разве индивид, как все индивидуальное, диалектически не связан с общим? И разве не определен он, в своей сущности, закономерностью? Да, это так, и поэтому индивидуальное бытие оказывается противоречиво трагичным, причем не только в теории, но и в жизни, где в силу общественного характера этой жизни самостоятельность индивидов повсеместно и всегда ограничивается, а бывает, что и жестко пресекается.

Может ли быть снято или разрешено это внутреннее противоречие? Представляется, что такая возможность есть. Для этого нужно верно оценить характер связи человека с природой, обществом и культурой.

Конечно, человек глубоко связан со всеми названными системами. Однако с природой он связан генетически, по происхождению, в то время как многочисленные попытки объяснить поведение человека исключительно природными мотивами успехом не увенчались. Сегодня это признают сторонники даже таких натуралистических по своим исходным установкам концепций, как психоанализ. Видный представитель психоанализа второй половины XX в. В. Франкль говорит, что, по его наблюдениям, «*стремление к смыслу представляет собой самодостаточную мотивацию и не является ни выражением, ни порождением других потребностей*» [8, с. 14].

Человек живет в обществе: нуждается в общении с другими людьми, лишь в общении он приобретает сознание, овладевает языком и поддерживает человеческий образ жизни. В этом широком смысле *общественное* является атрибутом человеческого бытия. Отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее же существует лишь в отдельном и через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее [2, с. 318].

Однако, если речь идет о конкретных обществах любого уровня и типа, как то: государства, нации, классы – то рассматривать именно их как необходимые для данного человека, а человека – как элемент таких систем, существующий в меру своей принадлежности к ним, было бы неверно. Это касается не только «человека вообще», но и конкретных индивидов. Последние, хотя и зависят от общественного окружения, однако в сегодняшнем мире способны выбирать «качество» этого окружения. То есть, если людей не устраивают конкретные общественные отношения, но изменить их люди не могут, а адаптироваться не хотят, то они просто перемещаются в другое общество.

Несомненно, что именно общество, представленное как конкретный социум, продолжает влиять на формирование сознания человека могущественным образом. Но такое влияние никогда не было абсолютным, тем более не является таковым сегодня. Этого нельзя допустить даже теоретически. Как говорится, неправомерная абсолютизация – путь к заблуждению. В противном случае сознание человека было бы прямым, одно-

однозначно детерминированным продуктом социализации индивида. Однако это не так. Представители одной и той же общественной группы в реальности никогда не имеют одинакового сознания. Между ними сохраняются важные различия.

Все это заставляет думать, что связь человека с упомянутыми системами не лишает его возможности достигнуть самостоятельности – ни в поведении, ни, тем более, в сфере мысли. Понимание этого важного обстоятельства законодательно закрепляется в развитых государствах в форме права человека на свободу мышления. Понятно, что делается это не только из «гуманитарных» соображений. Свобода индивидуального мышления – необходимое условие существования самого общества, основанного на рыночной экономике, в том числе, это условие существования государства, вынужденного для соответствия своей экономической основе быть более или менее демократичным.

Таким образом, в сегодняшнем мире существует «спрос» на индивидуальность. Но достаточно ли этого внешнего фактора для индивидуального бытия человека? И какими средствами для этого обладает он сам? Может ли проблема индивидуального бытия решаться в сегодняшнем мире? Представляется, что решение этой проблемы не может быть достигнуто ни исключительно объективными средствами, как повышение качества жизни или совершенствование социальных отношений, ни исключительно субъективными средствами, как свободная воля или внутренний голос. И даже их сочетание не достаточно для успеха.

Разумеется, необходимость объективных и субъективных условий для достижения человеком самостоятельного существования следует принять. Но и то и другое суть лишь предпосылки для его индивидуального бытия. Однако человек ведет свое бытие в сложном мире, где действуют противоположные объективные тенденции. Помимо него в мире живет множество других людей, преследующих свои действительные и мнимые цели. Этот внешний по отношению к индивиду мир способен разрушить любой объективный порядок, устанавливаемый как отдельным человеком, так и целыми обществами, и подменить на чужой любой его замысел, если человек не найдет верного ориентира, неподвластного как объективным тенденциям, так и субъективным мнениям.

Поэтому, с нашей точки зрения, подлинное бытие индивида, хотя и предполагает названные предпосылки, но строится не на них, а на основаниях, которые следует признать ***рациональными***. Основания эти должны, как минимум, согласовать замыслы индивида с внешним миром и обеспечить верную реализацию собственного замысла. Конечно, этого недостаточно для подлинного, т. е. искреннего, соответствующего духовным устремлениям бытия, но и сами названные функции рациональности характеризуют ее, скорее, на техническом уровне. Уровень этот необходим, но рациональность к нему не сводится, она имеет более сложную природу.

В философии первым, кто не только ясно сформулировал проблему индивидуального бытия, но и связал ее с рациональностью, был Платон. В попытках осмыслить жизнь и смерть своего учителя Сократа, Платон обратил внимание не только на рациональный характер оснований бытия Сократа, но и на их противоречивость и сложность.

Ведь в своей философской деятельности, в финале которой стоят суд и казнь, Сократ отстаивал рациональный подход к жизни, но при этом он столкнулся с противодействием, которое тоже было, по видимости, рациональным. Его противники использовали законную процедуру, в ходе которой приводили рациональные доводы, а суд, дважды выслушав Сократа, принял обоснованное и, можно сказать, законное решение. Тем не менее эти рациональные процедуры, доводы и решения были направлены против стремления Сократа к подлинному бытию. Бытие же Сократа, как мы понимаем, было рациональным по своим основаниям.

Очевидно, что большинство афинян в этих событиях выступили против бытия, которое по полноценным рациональным критериям следовало признать подлинным. Ясно поэтому, что рациональность, склонившая их

на сторону небытия, была ущербной. Между нею и разумом Сократа имелись большие различия. Некоторые из них видны отчетливо.

Заметно, к примеру, что обвинители твердо знали свою цель: осудить философа, а Сократ ясной цели не ставил и допускал различные исходы. Те упорно шли к намеченному, закрывая глаза на возможность ошибиться и допустить несправедливость; ничто их не останавливало на пути к цели. Сократ же продолжал искать истину, взвешивал основания своих шагов, а в решающую минуту его остановил и удержал от ошибки «вещий» сон.

Не имея ясной цели, Сократ, однако, упорно прояснял свои мотивы и ценности. Другая же сторона, преследуя ясную цель, скрывала свои мотивы и не готова была их оценивать. Для него никакое мнение не было последней инстанцией, они же постоянно ориентировались по настроениям и подыгрывали общему мнению. При этом Сократ соотносил свои поступки не только с буквой закона, но и с «всеобщим законодательством», т. е. спрашивал: что было бы, если бы все так поступали. (Такой подход впоследствии отразился в «категорическом императиве» И. Канта.) Он, будучи в меньшинстве, стоял на позициях целого: человека, государства, в то время как люди, составившие большинство, судили его по своим частным интересам и склонностям.

Как видим, различий немало. Можно ли дать им общее объяснение? Платон такое объяснение предлагает. Воспроизведем его в некоторых важных подробностях. Платон понял, что Сократ был не просто умнее и расчетливее афинян, но между их и его рациональностью имелось качественное различие. Афиняне думали о вещах, а Сократ обращался к идеям. Если относительно вещей каждый человек компетентно судит в своей области, то идеи для всех общие, хотя не все способны их отчетливо мыслить.

Идеи известны всем разумным людям, не только философам. Поэтому философы не обладают какими-то особыми идеями, но они иначе пользуются ими. В то время как большинство людей применяют идеи в рассуждениях о вещах, не давая себе отчета в их использовании, философ отвлекается от вещей и направляет мысль на сами идеи. Все люди рассуждают о вещах как о единых или многих, тождественных или меняющихся. Тот, кто откажется от применения подобных идей, «*не найдет, куда направить свою мысль, и тем самым уничтожит всякую возможность рассуждения*» [4, с. 357]. Однако об идеях самих по себе: о единстве и множестве, тождестве и изменении – обычным людям мыслить непривычно и тяжело. О них мыслят, главным образом, философы, да и то не без трудностей.

Однако мысль философа знает дорогу к идеям. В области, где она находит идеи, она находит и истинное знание, но вначале философ сталкивается с проблемами, которые большинству людей неизвестны. Говоря словами Сократа, философ начинает сомневаться и вопрошать о том, о чем другие судят без всяких сомнений.

Например, он ломает голову, то ли одна единица при прибавлении к ней другой становится двойкой, то ли вместе две единицы составляют двойку [5, с. 440]. Отсюда появляется непонятный для окружающих и беспокоящий их вывод: *я знаю, что ничего не знаю*. Действительно, без знания идей, о вещах можно иметь правильное мнение, но не иметь знания. Например, можно взвешивать товар в магазине, не задумываясь о природе числа, но здесь мы, по выражению другого мыслителя, становимся *похожи на спящих.*

Сны, как известно, требуют толкований как раз потому, что рассуждать в них не удается. А рассуждать без идей и наяву не получается. Ведь все люди считают при помощи *чисел*, действуют *во благо*, судят *по справедливости*. Едва ли можно представить себе развитое мышление без того, чтобы содержание его строилось без этих понятий.

Мы полагаем, что когда содержание мышления так и строится, можно говорить о наличии абстрактного мышления, рассудка. Рассудок же является общественным достоянием, в том смысле, что, прибегая к нему, индивид, в основном, использует опыт и мысли других людей, накопленные в культуре.

Однако овладеть рассудком и стать рассудительным значительно труднее, чем некритически использовать рассудок. Трудности, с которыми сталкивается мышление при попытках критического использования рассудка, т. е. в попытках понять *идеи*, хорошо описаны в диалогах Платона, где излагаются беседы Сократа с афинянами. Мысль приходит к противоречиям с самой собой, появляется противоречие с видимым положением вещей, трудно отличить истину ото лжи, трудно вообще построить рассуждение.

Наше мышление и речь содержат немало мудростей рассудка, но трудно различить среди них истинные, отличить уместные от неуместных, добрые от злых. Рассудок есть у всех людей, приобщившихся к культуре. Однако разум как умение разбираться в рассудке есть не у всех. Пожалуй, овладеть разумом могут лишь те, кто, подобно философам, сознательно и упорно стремится понять смысл культуры, т. е. познать идеи.

В диалогах Платона Сократ проявляет себя как разумный человек, стремящийся осмыслить идеи и преуспевший в этом больше других. Среди его достижений выделим выявление нравственной стороны разума. Во всяком случае, в событиях суда и казни философ твердо придерживался своих ценностей, в то время как суждения других афинян менялись под влиянием ситуации и общественного мнения. О самостоятельности Сократа в этических вопросах в один голос свидетельствуют два важнейших источника о нем, т. е. не только Платон, но и Ксенофонт. По словам последнего, Сократ был «*так разумен, что никогда не ошибался в суждении о хорошем и дурном и не нуждался для этого в помощи другого*» [1, с. 152].

Большинство афинян, хотя и держались принятых правил, но не пытались вникнуть в их смысл, т. е. они были рассудительны, но не разумны. О смысле общих правил поведения, познания и практики афиняне, в лучшем случае, имели мнения, а право решающего суждения уступали служителям культа. Тем самым сфера их самостоятельности не распространялась на правила, а была ограничена кругом бытовых и профессиональных вопросов. Только в этих вопросах они готовы были решать своим умом. Самостоятельность этих людей была ограничена кругом их частной жизни.

Подобное ограничение, мы полагаем, является основанием *индивидуализма*. Однако для индивидуального бытия индивидуализм не является необходимым. Более того, индивидуализм препятствует самостоятельности, поскольку связан с некритическим применением идей, как мы показали выше. От индивидуализма следует отличать подлинное индивидуальное бытие, основанное на разумном постижении всеобщих идей. Против индивидуалистического замыкания в частном решительно выступал Сократ. Известно, что сам философ мало внимания уделял заботам о быте, семье и частной собственности. Частные мнения не имели для него большого авторитета.

Однако он и не отметал их с порога. В своих беседах философ побуждает собеседников высказывать мнения, также ему важно быть понятым, а это достигается не путем отвлечения в абстракцию, а через обращение к тому, что понятно для собеседников. Эту особенность подметил П. Флоренский в своей статье о Сократе [см.: 7, с. 123–129]. По его мысли, философ сочетал в себе высокий полет мысли с силой жизненных убеждений, и одно без другого не могло существовать.

В оценке Платона и Сократа как сторонников или противников индивидуальности, на наш взгляд, следует избежать двух крайностей. Первая представляет Сократа как апологета безусловной свободы индивида. Такое понимание сделало в 50–60-е гг. прошлого века *Апологию Сократа* одним из культовых текстов экзистенциальной философии. Так, по свидетельству американского профессора Д. Г. Грея, в течение 15 лет ведшего семинар по экзистенциализму в колледже Колорадо, «Апология», «Критон» и «Федон» по единодушному желанию студентов использовались для проведения семинара в течение всего этого времени. «*Конфликт между индивидуальной свободой и общественно-политическим авторитетом, который воплотился в истории этой жизни, со-*

звучен настроениям современных студентов», – замечает Грей [10, с. 323].

Однако такая интерпретация, как нам кажется, несколько упрощает позицию Платона и не соответствует верному пониманию Сократа. Ведь, во-первых, Сократ отказался бежать из темницы, т. е. пренебрег индивидуальным спасением из уважения и благодарности к воспитавшим его афинским законам. Во-вторых, мотивы самостоятельного поведения Сократа – нравственные, т. е. опять же они касаются не только индивидуальной склонности и выгоды, но всеобщего идеала.

Конечно, следует отдать должное тому истинному и существенному моменту, который содержится в данной интерпретации. Сократ, следовательно, и Платон, в ней предстает как сторонник индивидуального бытия, в том смысле, что он одним из первых в истории философии признает за отдельным человеком право самостоятельно определять свою жизнь, и открыто высказывать свои взгляды. Сократ бескомпромиссно отстаивает это право в ситуации прямого и угрожающего давления со стороны общества и государственной власти.

Важно подчеркнуть этот момент, поскольку получила распространение интерпретация, представляющая Платона врагом личной свободы и идеологом тоталитаризма. Наибольшую активность в этом направлении развил Карл Поппер в известной книге «*Открытое общество и его враги*» (издана в 1945 г.). Книга, надо помнить, создавалась в 1938–1943 гг., «на злобу дня», когда важно было дать отпор идеологии фашизма, принижающей нормальную индивидуальную жизнь ради фантастических общностей типа *третьего рейха* и *арийской расы*. Однако ход рассуждений Поппера – истолковать не только *идеальное государство*, но и все *учение об идеях* как обоснование тоталитаризма – нельзя признать справедливым даже в этом контексте.

Не вдаваясь в критику социально-философских взглядов Поппера [см.: 3, с. 257–260], заметим то, что важно для нашей темы: в такой интерпретации из философии Платона устраняется линия Сократа, отражающая тему индивидуального бытия. Поппер видит связь Сократа с этой темой, и поэтому стремится отделить Сократа от Платона. В этом ключе он отрицает связь Сократа с учением об идеях, и даже противопоставляет Сократа как критического рационалиста, избегающего законченного знания, Платону с его идеями как абсолютной истиной. Зато преследователи Сократа выступают для Поппера истинными демократами, а главным виновником казни оказывается… Сократ, не согласившийся «вести себя тихо» [6, с. 377].

Предоставим историкам философии судить о том, насколько верно Платон в своих диалогах интерпретирует взгляды Сократа, и сколь близки были взгляды Платона и исторического, т. е. жившего в Афинах в V в. до н. э., Сократа. Насколько нам известно, большинство из них не считают интерпретацию Платона надуманной. С точки зрения намеченного здесь понимания, едва ли можно оторвать индивидуальное бытие Сократа от мышления об идеях. Да и в общем, индивидуальное бытие человека нуждается в разуме.

Рациональное зерно, которое есть в интерпретации Поппера, состоит в том, что Сократ и Платон были сторонниками государственной организации общественной жизни. Интересы такой организации могут выходить за рамки частных интересов общественных групп. Несмотря на конфликт с согражданами, Сократ стоит на государственных позициях, т. е. отстаивает способ поведения, который способствует процветанию государства и может быть принят как норма всеобщего законодательства.

Идеальное государство Платона и последующее ужесточение его социальных взглядов можно представить как реакцию на негосударственное поведение многих его сограждан. По мысли Платона, те, кто в решении общих проблем не могут подняться над своей частной жизнью, не должны решать в государственных делах, а должны повиноваться. Наверное, во многих конкретных рекомендациях мы сегодня не поддержим Платона, но общая проблема здесь зафиксирована правильно. Желая конструктивно помочь демократии, Поппер должен был бы обра-

тить внимание на эту проблему, актуальную и в его и в наше время. Известно ведь, что именно большинство в современной Поппер у Германии привело фашистов к власти на выборах.

Кроме того, отрицая полезность общих идей в жизни человека и общества, Поппер поддерживает тот индивидуализм, о котором шла речь выше. Однако подобный индивидуализм едва ли ведет к самостоятельности индивида и к демократии. Известно, что фашизм, в свой черед, пропагандировал индивидуализм зоологического толка. Противоречия в трактовке индивидуального бытия у столь видного мыслителя как Поппер показывают, что эта тема отнюдь не банальная, и что здесь есть нерешенные вопросы.

Итак, мы попытались показать, что идея и концепция индивидуального бытия была выдвинута Платоном в процессе понимания жизни и учения Сократа. Бытие имеет разнородные рациональные основания, а сама рациональность отличается сложностью. Творческое развитие идей Платона, на наш взгляд, позволяет предложить трактовку рациональности, существенную для раскрытия темы индивидуального бытия. Наряду с индивидуальным умом, в ее состав, как мы полагаем, входит рассудок, имеющий социально-культурную природу, а также разум как результат индивидуального овладения рассудком. Разумный индивид является конкретным носителем всеобщих понятий и правил, которые он воспринимает критически. Благодаря этому индивидуальное бытие, будучи уникальным событием, поднимается до освоения всеобщего, выраженного в идеях. Тем самым, в индивидуальном бытии, основанном на осознании всеобщих идей, смягчается разобщенность между людьми, характерная для общества, практикующего разделение труда, поэтому самостоятельно существующие люди создают невидимые скрепы для общественной жизни.

Платон в лице Сократа дал идеал индивидуального бытия человека. Как философ, Сократ сумел осмыслить свое бытие на идейной основе. То есть, по Гегелю, в лице Сократа идея индивидуального бытия осмыслила сама себя, а, значит, вошла в завершенную, а потому и нерушимую форму. Всякое последующее мышление этого предмета не может в силу сказанного игнорировать идею индивидуального бытия, представленную Платоном. В человеческом мире, внешнем по отношению к собственной субъективности человека, именно идея индивидуального бытия является ориентирующей мышление людей, поднявшихся к осмысленному, самостоятельному сосуществованию друг с другом в мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993. 380 с.

2. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1963. Т. 29. 808 с.

3. *Огородников В. П.* История и философия науки (технические науки): курс лекций для аспирантов. СПб.: ПГУПС, 2008. 387 с.

4. *Платон*. Парменид // Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. 528 с.

5. *Платон*. Федон // Диалоги. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 512 с.

6. *Поппер К. Р.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс, 1992. 448 с.

7. *Флоренский П. А.* Личность Сократа и лицо Сократа // Вопросы философии. 2003. № 8.

8. *Франкль В. Э.* Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во. 2009. 105 с.

9. *Хайдеггер М.* Бытие и время. СПб.: Наука, 2002. 452 с.

10. *J. Glenn Gray.* Salvation on the Campus: Why Existentialism Is Capturing the Students // The Odyssey Reader. Ideas and Style. Ed. by N. P. Birk, G. B. Birk. Odyssey Press. New York, 1968. 905 p.

REFERENCES

1. *Ksenofont.* Vospominaniya o Sokrate. M.: Nauka, 1993. 380 s.
2. *Lenin V. I.* Poln. sobr. soch. M.: Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1963. T. 29. 808 s.
3. *Ogorodnikov V. P.* Istoriya i filosofiya nauki (tekhnicheskie nauki): kurs lektsiy dlya aspirantov. SPb.: PGUPS, 2008. 387 s.
4. *Platon.* Parmenid // Sobr. soch.: v 4 t. M.: Mysl', 1993. T. 2. 528 s.
5. *Platon.* Fedon // Dialogi. Rostov-na-Donu: Feniks, 1998. 512 s.
6. *Popper K. R.* Otkrytoye obshchestvo i ego vragi. T. 1: Chary Platona. M.: Feniks, 1992. 448 s.
7. *Florensky P. A.* Lichnost' Sokrata i litso Sokrata // Voprosy filosofii. 2003. N 8.
8. *Frankl' V. E.* Stradaniya ot bessmyslennosti zhizni. Aktual'naya psikhoterapiya. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo. 2009. 105 s.
9. *Khaydegger M.* Bytie i vremya. SPb.: Nauka, 2002. 452 s.
10. *J. Glenn Gray.* Salvation on the Campus: Why Existentialism Is Capturing the Students // The Odyssey Reader. Ideas and Style. Ed. by N. P. Birk, G. B. Birk. Odyssey Press. New York, 1968. 905 p.